

Звонок. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Звонок. Владимир Владимирович Набоков

Семь лет прошло с тех пор, как он с нею расстался. Господи, какая сутолока на Николаевском вокзале! Не стой так близко, сейчас поезд тронется. Ну вот, прощай, моя хорошая... Она пошла рядом, высокая, худощавая, в макинтоше, с черно-белым шарфом вокруг шеи, и медленным течением ее уносило назад. Затем он повоевал, нехотя и беспорядочно. Затем, в одну прекрасную ночь, под восторженное стрекотание кузнечиков, перешел к белым. Затем, уже через год, незадолго до выхода на чужбину, на крутой и каменистой Чайной улице в Ялте, он встретил своего дядю, московского адвоката. Как же, как же, сведения есть, два письма. Собирается в Германию и разрешение уже получила. А ты молодцом. И, наконец, Россия дала ему отпуск, по мнению иных бессрочный. Россия долго держала его, он медленно соскальзывал вниз с севера на юг, и Россия все старалась удержать его, Тверью, Харьковом, Белгородом, -всякими занимательными деревушками... не помогло. Был у нее в запасе еще один соблазн, еще один последний подарок, -Таврида, но и это не помогло. Уехал. И на пароходе он познакомился с молодым англичанином, весельчаком и спортсменом, который отправлялся в Африку,

Николай Степаныч побывал и в Африке, и в Италии, и почему-то на Канарских островах, и опять в Африке, где некоторое время служил в иностранном легионе. Он сперва вспоминал ее часто, потом редко, потом снова все чаще и чаще. Ее второй муж, немец, умер во время войны. Ему принадлежали в Берлине два дома. Николай Степаныч рассчитывал, что она в Берлине бедствовать не будет. Но как время идет! Прямо поразительно... Неужто целых семь лет?

За эти годы он окреп, огрубел, лишился указательного пальца, изучил два языка итальянский и английский. Его глаза стали еще простодушнее и светлее, оттого что ровным, мужицким загаром покрылось лицо. Он курил трубку. Походка его, -крепкая, как у большинства коротконогих людей, стала удивительно мерною. Одно совершенно не изменилось в нем: его смех, с прищуриной, с прибауткой.

Он долго посмеивался, качал головой, когда наконец решил все бросить и потихоньку перебраться в Берлин. Как-то раз в Италии, кажется, он заметил на лотке русскую газету, издававшуюся в Берлине, Он написал туда, просил поместить объявление, что он, мол, разыскивает... Вскоре после этого он покатыл дальше, так и не узнав ничего. Из Каира уезжал в Берлин старичок журналист Грушевский. Вы там наведите справки. Может быть, найдете. Скажите, что я жив, здоров... Но и тут никаких вестей он не получил. А теперь пора... Нагрнуть. Там, на месте, уже легче будет разыскать. Возня с визами, денег не ахти как много. Ну, да уж как-нибудь доедем...

И он доехал. В желтом пальто с большими пуговицами, в клетчатом картузе, короткий и широкоплечий, с трубкой в зубах и с чемоданом в руке, он вышел на площадь перед вокзалом, усмехнулся, полюбовался бриллиантовой рекламой, проедающей темноту. Ночь в затхлом номере дешевой гостиницы он провел плохо, все придумывал, как начать розыски. Адресный стол, редакция русской газеты... Семь лет. Она, должно быть, здорово постарела. Свинство было так долго ждать, мог раньше приехать. Но эти годы, это великолепное шатание по свету, волнение свободы, свобода, о которой мечталось в детстве... Сплошной Майн-Рид... И вот опять новый город, подозрительная перина и скрежет трамвая. Он нащупал спички, обрубком пальца привычным движением стал вдавливать в трубку мягкий табачок.

Во время путешествия забываешь названия дней: их заменяют города. Когда утром Николай Степаныч вышел на улицу с намерением отправиться в полицию, то увидел на всех лавках решетки. Оказалось воскресенье. Адресный стол, редакция полетели к черту (не дай Бог попасть в воскресенье в чужой город!). Дело было осенью: ветер, астры в скверах, сплошь белое небо, желтые трамваи, трубный рев простуженных таксомоторов. Его несколько знобило от волнения, от мысли, что вот он в том же городе, как и она. За германский полтинник ему дали стакан портвейна в шоферском кабаке, и вино натошак подействовало приятно. На улицах там и сям накрапывала русская речь: "...Сколько раз я тебя просила..." И через несколько туземных прохожих: "...Он мне предлагает их купить, но я, по правде сказать..." От волнения он посмеивался и гораздо скорее, чем обычно, выкуривал трубку. "...Казалось, прошло, а теперь и Гриша слег..." Опять русские! Он подумал, не подойти ли к ним, не спросить ли поучтивее: "Вы, может быть, знаете такую-то?" В

Звонок. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru этой заблудившейся русской провинции, наверное, все друг друга знают,

Уже вечерело, и очаровательным мандариновым светом налились в сумерках стеклянные ярусы огромного универсального магазина, когда Николай Степаныч, проходя мимо какого-то дома, случайно заметил на плоской серой колонке фронтона, у дверей, небольшую белую вывеску: "Зубной врач И. С. Вайнер. Из Петрограда". Неожиданное воспоминание так и ошпарило его. "Этот, милостивый государь, подгнил, придется удалить". В окне прямо против кресла пыток – стеклянные снимки, швейцарские виды... Окно выходило на Мойку. "Теперь прополощите". И доктор Вайнер, толстый, спокойный старик в белом халате, в проницательных очках, перебирал инструментики. Она ходила к нем)', и двоюродные братья ходили, и еще говорили, когда случалась между ними какая-нибудь обида: а хочешь Вайнера (т. е. в зубы)?

Николай Степаныч постоял перед дверью, хотел было позвонить, да вспомнил, что нынче воскресенье, подумал и все-таки позвонил. Что-то зажужжало в замке, и дверь поддалась. Он поднялся на первый этаж. Открыла горничная.

Нет, господин доктор сегодня не принимает. У меня зубы не болят, возразил Николай Степаныч на прескверном немецком языке. Доктор Вайнер мой старый знакомый... Моя фамилия Галатов, он, вероятно, помнит... Я доложу, – сказала горничная.

Через минуту вышел в прихожую пожилой человек, в домашней куртке с бренденбургами, рыжеватый, удивительно с виду приветливый и, весело отрекомендовавшись, добавил:

Я вас, однако, не помню, тут, вероятно, произошла ошибочка.

Николай Степаныч посмотрел на него и извинился: Да. И я вас тоже не помню. Я думал найти того доктора Вайнера, который жил до революции на Мойке. Промахнулся, простите.

Ах, это однофамилец, сказал дантист. Однофамилец. Это однофамилец. Я жил на Загородном.

Мы у него все лечились, пояснил Николай Степаныч. – Вот я и думал... Дело в том, что я разыскиваю одну даму, – госпожу Неллис...

Вайнер прикусил губу, напряженно посмотрел в сторону, потом снова обратился к нему.

Позвольте... Если я не ошибаюсь... По-моему... По-моему, какая-то госпожа Неллис была у меня не так давно... Это мы сейчас установим. Будьте любезны пройти ко мне в кабинет,

В кабинете Николай Степаныч ничего не разглядел. Он не сводил глаз с безукоризненной лысины Вайнера, который наклонился над своим журналом.

Это мы сейчас установим, говорил Вайнер, водя пальцем по страницам. Это мы сейчас установим. Это мы сейчас... Вот, пожалуйста, Неллис. Золотая пломба и еще что-то, не вижу, тут клякса.

А как имя и отчество? спросил Николай Степаныч, подойдя к столу, и обшлагом чуть не сбил пепельницу.

И это отмечено. Ольга Кирилловна. Да, правильно, – облегченно вздохнул Николай Степаныч.

Адрес: Планнерштрассе 59, бай Баб, чмокнул Вайнер и быстро переписал адрес на отдельный листок. Вторая улица отсюда. Пожалуйста. Очень рад услужить. Это ваша родственница? Моя мать, сказал Николай Степаныч. Выйдя от дантиста, он пошел несколько ускоренным шагом. То, что он так скоро ее отыскал, поразило его, как карточный фокус. Едучи в Берлин, он ни минуты не думал о том, что, может быть, она давно умерла или переехала в другой город, в другую страну, и все-таки фокус удался. Вайнер оказался не тем Вайнером, и все-таки судьба вышла из положения. Прекрасный город, прекрасный дождь! (Бисерный осенний дождь моросил как бы шепотом, и на улицах было темно.) Как она встретит его? Нежно? Или грустно? Или

Звонок. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru совсем спокойно? Она не баловала его в детстве. Ты не смеешь тут бегать, когда я играю на рояле. Потом, когда он вырос, ему часто казалось, что он мало нужен ей. Теперь он старался вообразить ее лицо, но мысли упорно не окрашивались, и он никак не мог собрать в живой зрительный образ то, что знал умом: ее худую, высокую, как бы некрепко свинченную фигуру, темные волосы с налетом седины у висков, большой бледный рот, потрепанный макинтош, в котором она была в последний раз, и усталое, горькое, уже старческое выражение. которое появилось на ее увядшем лице в те бедственные годы. Пятьдесят первый номер. Еще восемь домов.

Он спохватился вдруг, что волнуется нестерпимо, до неприличия, куда больше, чем в тот миг, например, когда лежал, страшно потев, уткнувшись боком в скалу, и целился в налетающий вихрь, в белое чучело на чудесной арабской лошади. Не доходя до пятьдесят девятого номера, он остановился, вынул трубку и резиновый мешочек с табаком, набил трубку медленно, тщательно, не выронив ни одной табачной стружки, поднес спичку, потянул, посмотрел, как взбухает огненный холмик, набрал полный рот сладковатого, щиплющего язык дыма, осторожно выпустил его и не спеша, крепкими шагами, подошел к дому.

На лестнице было так темно, что раза два он споткнулся. Добравшись в густом мраке до первой площадки, он чиркнул спичкой и осветил золотистую дощечку подле двери. Не та фамилия. Странное имя "Баб" он нашел только гораздо выше. Огонек обжег ему пальцы и потух. Фу ты, как сердце стучит... Он в темноте нащупал кнопку и позвонил. Затем вынул трубку из зубов и стал ждать, чувствуя, как мучительная улыбка разрывает ему рот.

И вот что-то звукнуло за дверь, раз, еще раз и, как ветер, качнулась дверь. В передней было так же темно, как на лестнице, и из этой темноты к нему вылетел звучный и веселый голос. "У нас во всем доме погасло электричество, прямо ужас", и он мгновенно узнал это долгое, тягучее "у" в "ужасе" и мгновенно по этому звуку восстановил до малейших черт ту, которая, скрытая тьмой, стала в дверях.

Правда, ни зги не видать, усмехнулся он и шагнул к ней.

Она так ахнула, будто кто-то с размаху ударил ее. Он отыскал в темноте ее руки, плечи, толкнул что-то (вероятно, подставку для зонтиков).

Нет-нет-нет это невозможно, это невозможно...-быстро-быстро повторяла она и куда-то пятилась.

Да постой же, мама, постой же, сказал он, и опять стукнулся (на этот раз о полуоткрытую дверь, которая со звоном захлопнулась). Это с ума можно сойти... Коленька, Коль... Он целовал ее в щеки, в волосы, куда попало, ничего не видя в темноте, но каким-то внутренним взором узнавая ее всю, с головы до пят, и только одно было в ней новое (но и это новое неожиданно напомнило самую глубину детства, когда она играла на рояле) сильный, нарядный запах духов, словно не было тех промежуточных лет, когда он мужал, а она старела, и не душилась больше, и потом так горько увядала, в те бедственные годы, словно всего этого не было, и он из далекого изгнания попал прямо в детство...

Вот ты. Это ты. Ну, вот ты... лепетала она, мягкими губами прижимаясь к нему. Это хорошо... Это так надо...

Да неужели нигде нет света? рассмеялся Николай Степаныч.

Она толкнула какую-то дверь и проговорила взволнованным голосом:

Да. Пойдем. У меня там свечи горят. Ну, покажись... сказал он, входя в оранжевое мерцание свеч, и жадно взглянул на мать. У нее волосы были совсем светлые, выкрашенные в цвет соломы.

Ну, что же, узнаешь? сказала она, тяжело дыша, и поспешно добавила: Да не смотри так. Рассказывай, рассказывай! Как ты загорел... Боже мой! Да, ну же, рассказывай!

Белокурые, подстриженные волосы... А лицо было раскрашено с какой-то мучительной тщательностью. Но мокрая полоска слезы разъела розовый слой, но дрожали густые от краски ресницы, но полиловела пудра на крыльях носа... Она была в синем

Звонок. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
лоснящемся платье с высоким воротником. И все было в ней чужое, и беспокойное, и страшное.

У тебя. мама, вероятно, сегодня визиты, заметил Николай Степаныч, не зная, что сказать, и энергично скинул пальто.

Она пошла от него к столу, где что-то было нагромождено и блестело, потом к нему опять, посмотрелась в зеркало, -словно не знала, что делать.

Сколько лет... Боже мой! Я прямо не верю глазам. Да-да, у меня должны быть гости. Я их отменю. Я позвоню. Я что-нибудь сделаю. Надо отменить... Ах ты, Боже мой...

Она прижалась к нему, теребила ему рукава. Да успокойся, мама, что с тобой, нельзя же так. Сядем куда-нибудь. Скажи, как у тебя все? Как ты поживаешь?.. И почему-то боясь ответов на свои вопросы, он стал рассказывать о себе, ладно прищелкивая слово к слову, попыхая трубкой, стараясь заговорить, обкурить свое изумление. Оказалось, что и объявление она видела, и со стареньким журналистом встретила, и несколько раз писала сыну в Италию, в Каир... Теперь, после того, как он рассмотрел ее искаженное краской лицо, ее искусственно желтые волосы, ему казалось, что и голос ее уже не тот. И, рассказывая о своих приключениях, не останавливаясь ни на мгновение, он оглядывал наполовину освещенную, дрожащую комнату, с плюшевой кошкой на камине, с ширмой, из-за которой выступало изножье кровати, с Фридрихом, играющим на флейте, с вазочками на полке, в которых прыгало, как ртуть, отражение огней... Странствуя глазами по комнате, он рассмотрел и то, что раньше мельком заметил, накрытый на двоих стол, пузатую бутылку ликера, две высокие рюмки и огромный розовый пирог в разноцветном кольце еще не зажженных восковых свечек. "...Я, конечно, сразу выскочил, и что же, ты думаешь, оказалось? Ну-ка, угадай!" Она как бы очнулась, испуганно посмотрела на него (а сидела она рядом, на диване, слегка откинувшись, сжав руками виски, и ее ноги отливали незнакомым блеском). "Да ты разве не слушаешь, мама?"

Нет, что ты, я слушаю, я слушаю... И теперь он подметил еще одно: она была странно рассеянна, словно прислушивалась не к его словам, а к чему-то постороннему, грозящему и неизбежному... Он продолжал свой рассказ, но опять остановился, спросил:

Это в честь кого же, пирог? Очень аппетитный. Его мать растерянно улыбнулась.

Ах, это просто так... Я говорю же тебе, что у меня сегодня визиты.

Мне ужасно напомнило Петербург, сказал Николай Степаныч. И, помнишь, ты раз ошиблась, забыла одну свечу. Мне стукнуло десять, а свеч было только девять. Фукнула мой день рождения. Вот был рев. А тут сколько штук?

Да не все ли равно!.. крикнула она и встала, будто хотела ему загородить стол. Скажи мне лучше, который час? Мне нужно отменить, позвонить, что-нибудь сделать.

Четверть восьмого, сказал Николай Степаныч. Ах, это слишком поздно! снова крикнула она. Все равно! Теперь уж все равно...

Оба замолчали. Она опять села. А Николай Степаныч старался себя заставить обнять ее, приласкаться к ней, спросить; Послушай мама, да что с тобой случилось?

Да расскажи мне наконец... Он опять посмотрел на блестящий стол, сосчитал свечки вокруг пирога. Их было двадцать пять штук. Двадцать пять! А ему-то уж двадцать восемь...

Да не осматривай так мою комнату! сказала мать.-Прямо сыщик! Ужасающая комната, я хочу переехать, быстро продолжала она и вдруг легко ахнула: Постой... Что это такое? Это ты стукнул?

Да, ответил Николай Степаныч, трубку выбиваю. А скажи мне, у тебя есть деньги? Ты не нуждаешься?

Она стала поправлять какую-то ленточку на рукаве и заговорила, на него не глядя...

Звонок. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Да... Ведь ты знаешь, кое-что после Генриха осталось... Но я должна тебя предупредить, мне только как раз хватает на жизнь. Ради Бога, не стучи трубкой. Я должна тебя предупредить, что я... Что тебя... Ну, ты понимаешь, Коля, мне будет трудно тебя содержать...

Эх, мамахен, куда ты загнула, воскликнул Николай Степаньч (и в это мгновение, как солнце из-за облака, ударил с потолка электрический свет). Ну вот, можно свечи тушить, -а то сидим прямо как в склепе. Видишь ли, у меня небольшой запасец деньжат есть, да и вообще я вольная птица... Садись же, что ты бегаешь по комнате?

Высокая, худая, ярко-синяя, она остановилась перед ним, и теперь, при полном свете, он увидел, как она постарела, как упорно выступают сквозь восковой слой красок морщины на щеках и на лбу. И эти ужасные желтые волосы!.. .

Ты так нагрязнул, сказала она и, кусая губы, заглянула в лицо маленьким часам, стоявшим на полке. Как снег на голову... Они спешат. Нет, остановились. У меня сегодня визиты, а вот ты приехал... С ума сойти...

Глупости, мама. Придут, увидят, что сын приехал, и очень скоро испарятся. А мы еще с тобой сегодня вечерком в какой-нибудь мюзик-холл махнем, где-нибудь поужинаем... Я, вот, помню, видал африканский театр, удивительная штука, прямо номер! Представь себе, человек пятьдесят негров, и такое, довольно большое, ну, примерно, как...

Громкий звонок затрещал с парадной. Ольга Кирилловна, присевшая было на ручку кресла, встрепенулась и выпрямилась.

Постой, я открою, сказал Николай Степаньч и поднялся.

Она поймала его за рукав. Лицо у нее дергалось. Звонок осекся, ждал.

Это же, вероятно, твои визиты, сказал Николай Степаньч. Надо открыть.

Его мать резко мотнула головой, прислушиваясь,

Как же так... начал Николай Степаньч.

Она потянула его за рукав, шепотом проговорила;

Не смей! Я не хочу... Не смей...

Звонок засверлил опять, на этот раз настойчиво и раздраженно. И сверлил долго.

Пусти меня, сказал Николай Степаньч. Это глупо... Если звонят, надо открыть. Чего ты боишься?

Не смей... Слышишь, не смей... повторяла она, судорожно лоя его руки. Я тебя умоляю... Коля, Коля. Коля!.. Не надо!

Звонок опять осекся. Его сменил крепкий стук, -производимый набалдашником трости, что ли.

Николай Степаньч решительно направился в переднюю. Но на пороге комнаты мать поймала его за плечи, изо всех сил старалась оттащить его и все шептала: "Не смей... Не смей... Ради Бога!.." Еще раз грянул звонок, коротко и гневно. Твое дело, усмехнулся Николай Степаньч и, заложив руки в карманы, прошелся вдоль комнаты. "Кошмар да и только", подумал он и усмехнулся опять.

Звон прекратился. Все было тихо. Звонившему, видно, надоело, и он ушел. Николай Степаньч приблизился к столу, осмотрел великолепный, облитый блестящим кремом пирог, двадцать пять праздничных свечечек, две тоненьких рюмки. Рядом, словно притаясь в тени бутылки, лежала белая картонная коробочка. Он поднял ее, снял крышку, внутри был новенький, довольно безвкусным серебряный портсигар.

Так, сказал Николай Степаньч. Он обернулся и только тогда заметил, что его мать, полулежа на кушетке и уткнувшись лицом в подушку, вздрагивает от рыданий. В прежние годы он часто видал ее плачущей, но тогда она плакала совсем

Звонок. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru иначе, – сидела за столом, что ли, и, плача, не отворачивала лица, громко сморкалась и говорила, говорила, а тут она рыдала так молодо, так свободно лежала... и было что-то изящное в повороте ее спины, в том, что одна нога в бархатном башмачке касается пола... Прямо можно было подумать, что это плачет молодая белокурая женщина... И платочек ее, как полагается, лежал комочком на ковре.

Николай Степаныч, крякнув, подошел, сел рядом на край кушетки. Крякнул опять. Его мать, скрывая лицо, заговорила в подушку:

Ах, зачем ты не приехал раньше! Ну хотя бы на год раньше... Только на год...

Сам не знаю, сказал Николай Степаныч. Теперь все кончено... всхлипнула она, и ее светлые волосы дрогнули. – Все кончено. Мне в мае будет пятьдесят лет. Взрослый сын приехал к старушке матери. И зачем ты приехал... именно теперь... именно сегодня...

Николай Степаныч надел пальто (которое, не по-европейски, бросил просто в угол), вынул из кармана картуз и опять присел рядом.

Завтра утром я покачу дальше, сказал он, поглаживая мать по плечу, по синему блестящему шелку. Мне хочется теперь на север, в Норвегию, что ли. А то на море, китов бить. Я тебе буду писать. Так, через годок, снова встретимся, тогда, может быть, дольше останусь. Уж ты не пеняй на меня, кататься хочется!

Она быстро обхватила его, прижалась мокрой щекой к его шее. Потом сжала ему руку и вдруг удивленно вскрикнула.

Пуля оттяпала, рассмеялся Николай Степаныч. Прощай, моя хорошая.

Она потрогала гладкий обрубок пальца и осторожно его поцеловала. Потом обняла сына, проводила его до дверей.

Пиши, пожалуйста, почаще... Что ты смеешься? У меня, верно, вся пудра сошла.

И как только дверь за ним захлопнулась, она, шумя синим платьем, кинулась к телефону.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!